

МОРОК

ЧЕРНАЯ БТИЦА

18+

КЛЕПИКОВ
ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ

Клепиков Василий
Морок: чёрная птица
Серия «Морок», книга 2

<https://litres.ru/73744491>

SelfPub; 2026

Аннотация

Город умирает. В разбитых зеркалах исчезают люди, а в отражениях просыпается древняя сущность — Обида, чёрная птица, питающаяся человеческой ненавистью. Проводник Алексей Северов и девочка Ева, носящая метку Морока, вступают в охоту на ту, кто кормит чудовище.

Чтобы победить, им придётся пройти испытание древним Котом Баюном, научиться видеть страх в зеркалах и сделать выбор, от которого зависит жизнь всех. Но в этой войне нет правых и виноватых — есть только ненависть, которая ждёт своего часа в каждом отражении.

Вторая книга цикла о проводнике Алексее Северове. Мрачный нуар, славянская мифология и психологическая драма в одном флаконе.

Содержание

Пролог. Чёрный лебедь	4
Глава 1. Зеркала	8
Глава 2. Кот Баюн	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Клепиков Василий

Морок: чёрная птица

Пролог. Чёрный лебедь

Она стояла перед зеркалом в ванной, смотрела на своё отражение и чувствовала, как мир вокруг начинает трескаться.

Не в переносном смысле. В прямом. По краю зеркала побежали тонкие линии, воздух сделался плотным, тяжёлым, и запахло — как тогда, в день похорон. Цветы, сырая земля, и ещё что-то сладковатое, тошнотворное, от чего кружится голова и хочется закрыть глаза.

Аглая не закрыла. Она смотрела.

Зеркало больше не отражало её лица. Там, за стеклом, было небо. Серое, низкое, тяжёлое. И в этом небе, расправляя крылья, кружила птица. Чёрная, огромная, с глазами, горящими красным. Она смотрела прямо на Аглаю, и в её взгляде не было ничего — ни злобы, ни сочувствия. Только холодное, древнее знание.

— Ты пришла, — сказала Аглая. Не спросила — утвердила.

Птица не ответила. Она опустилась ниже, и теперь Аглая видела каждое перо, каждый изгиб крыла. Чёрные, маслянистые, они блестели, как свежая кровь.

— Ты обещала мне силу. Я отдала тебе свою ненависть. А они до сих пор живы.

Она не знала, зачем говорит с отражением. Может, потому что уже год не с кем было говорить. После того, как родители погибли в той аварии, которую потом назвали «несчастливым случаем», знакомые перестали звонить, родственники — приезжать. А когда она нашла документы, когда поняла, что стройка Корзухина, та самая, где потом начали пропадать люди, была напрямую связана с гибелью отца и матери, — тогда уже не осталось никого. Только ненависть.

Птица шевельнула крылом. Из зеркала, из-за стекла, из того серого неба донёлся голос — её собственный, но искажённый, многоголосый:

«Они живы. Но они помнят. Они боятся. Ты чувствуешь их страх?»

Аглая чувствовала. Она чувствовала его, когда проходила мимо офиса Корзухина, когда смотрела на новости, где говорили о пропавших рабочих, о закрытой стройке. Она чувствовала, как люди, чьи имена она выучила наизусть, вздрагивают, когда видят её на улице. Они помнили. Они боялись.

— Этого мало, — сказала она. — Я хочу, чтобы они заплатили.

«Они заплатят. Но ты должна отдать больше. Ненависть — это пища. А жертва — это плата».

— Что я должна отдать?

Птица расправила крылья, и зеркало треснуло. Трещина

пошла от края до края, и в каждой её грани Аглая увидела себя — искажённую, чужую, с глазами, горящими красным.

«Позволь мне отразиться в тебе. Полностью. И тогда твоя обида станет моей силой».

Аглая смотрела на своё отражение, на трещины, на чёрную птицу, и думала о том, что уже давно не чувствует ничего, кроме пустоты и гнева. Пустота была от них. Гнев — её собственный. И если она отдаст его, то что останется?

Ничего.

Она протянула руку и коснулась холодного стекла.

— Отражайся.

Зеркало взорвалось.

Осколки разлетелись по ванной, врезаясь в стены, в потолок, в её кожу. Аглая не пошевелилась. Она смотрела, как из глубины, из-за разбитого стекла, поднимается тьма. Она заполняла комнату, клубилась, дышала, и в этой тьме горели глаза. Красные, голодные.

— Первый, — прошептала Аглая.

Глаза мигнули. Тьма свернулась, потянулась к выходу и исчезла, оставив после себя только запах гари и разбитое зеркало.

Аглая осталась одна. Она подняла с пола самый большой осколок и посмотрела на своё лицо. Глаза были нормальными, серыми. Но в глубине, в самом зрачке, билась красная точка.

Первый умрёт сегодня.

Она улыбнулась.

Глава 1. Зеркала

Я проснулся от того, что кто-то ходил по квартире.

Негромко, но нагло. Шарканье тапочек, скрип половиц, и время от времени — тихое, противное хихиканье.

Я не открывал глаз. Просто сказал:

— Кикимора, убирайся.

— А вот и нет, — донеслось из кухни. — Я гостя. Ты должен меня встречать с хлебом-солью, а не гнать.

— Я тебя не звал.

— Но ты скучал. — Она появилась в дверях спальни, маленькая, лохматая, с горящими красными глазами. В руках она держала мою кружку, из которой хлебала чай. — Скучал, скучал. Я же чувствую.

Я сел на кровати, потёр лицо. На часах было шесть утра. За окном серел рассвет, город просыпался, и только я, как всегда, не выспался.

— Что случилось?

— Случилось, — Кикимора допила чай, поставила кружку на тумбочку. — Пропал человек. Опять.

— Много пропадает. Полиция ищет.

— Этот особенный. Он исчез из запертой квартиры. Дверь заперта изнутри, окна закрыты. А внутри — разбитое зеркало.

Я замер.

— Зеркало?

— Ага. И не первое. Вчера вечером нашли ещё одного. Тоже зеркало вдребезги. Полиция в растерянности. Думают, серийный маньяк, который коллекционирует осколки.

— А ты думаешь иначе?

Кикимора спрыгнула с тумбочки, подбежала к окну, заглянула в стекло. Её отражение было странным — она в него не смотрела, а оно смотрело на неё.

— Обида проснулась, — сказала она. — Чёрная птица. Дочь Мары. Она живёт в отражениях и питается ненавистью.

— И что ей нужно?

— Сначала она ела тех, кто виноват. Теперь она голодна. Скоро начнёт есть всех.

Я встал, начал одеваться.

— И ты, конечно, знаешь, как её остановить.

— Знаю. — Кикимора уселась на подоконник, свесила ноги. — Но не скажу. Это же неинтересно, если я всё расскажу.

— Тогда зачем ты здесь?

— Чтобы смотреть, — она ухмыльнулась. — И иногда помогать. Если мне это выгодно.

Я не стал спорить. Спорить с Кикиморой было бесполезно — она всегда выходила победителем, потому что её правила менялись каждую минуту.

В отделе меня встретил дежурный, протянул папку.

— Новое дело, Алексей Игоревич. Странное.

— Что на этот раз?

— Исчезновение. Мужчина, пятьдесят три года, бывший сотрудник строительной компании. Уволен после того, как стройку закрыли. Жил один. Соседи слышали странные звуки, а утром дверь была заперта изнутри, а внутри — разбитое зеркало.

Я открыл папку. Фотография комнаты: везде порядок, только зеркало над комодом разбито вдребезги. Осколки лежат на полу, и среди них — странное пятно, похожее на пепел.

— Это уже второй.

— Третий, — поправил дежурный. — Первого нашли позавчера. Я посмотрел список. Все трое работали на одной стройке. Той самой, что потом закрыли.

Стройка Корзухина. Я вздохнул.

— Свяжись с теми, кто вёл дело. Узнай, кто ещё из бывших сотрудников мог быть в опасности.

— Сделаю.

Я вышел из отдела, сел в машину. Кикимора уже ждала на заднем сиденье.

— Ты куда? — спросила она.

— К дому Корзухина.

— А зачем?

— Затем, что это всё связано с ним. Или с тем, что он натворил.

Кикимора захихикала.

— Или с тем, что осталось после.

Дом Корзухина стоял пустым. Забор облупился, трава во дворе выросла по пояс. Калитка не закрыта, дверь в дом — тоже. Внутри пахло сыростью и запустением. Мебель вывезли, только в гостиной осталось огромное старинное трюмо, накрытое простынёй.

Я подошёл, сорвал ткань. Зеркало было мутным, в потёках. В нём отражалась пустая комната, я и Кикимора, сидящая у меня на плече.

— Здесь было первое зеркало, — сказала она.

— Откуда знаешь?

— Чувствую. Оно ещё дышит.

Я всмотрелся в своё отражение. Что-то было не так. Моё лицо было моим, но глаза... в глазах, на самом дне, пульсировала тьма. Я моргнул — тьма исчезла.

— Она уже внутри, — прошептала Кикимора. — Не в тебе. В этом городе. Она кормилась здесь, и теперь её часть осталась.

— Кто она?

— Обида. Чёрная птица. Та, кого ты ищешь.

Я хотел спросить ещё, но в этот момент снаружи донеслись шаги. Лёгкие, быстрые. Я обернулся.

В дверях стояла девочка. Лет двенадцати, худая, с тёмными волосами и глазами, которые смотрели слишком пристально, не по-детски.

— Северов, — сказала она. — Мне нужно с вами поговорить.

Я узнал её.

— Ева?

Она кивнула.

— Я вижу во сне чёрную птицу, — сказала она. — Она показывает мне девушку, которая разбивает зеркала. Я боюсь, что стану такой же, как она. — Она помолчала, потом добавила, глядя мне прямо в глаза: — Вы оба обещали мне правду. Папа сбежал, а вы... вы просто приходили, смотрели на меня и молчали. Я не хочу быть как она. Но иногда мне кажется, что ваше молчание сделало меня такой же злой.

В её голосе не было обвинения. Только усталость и требовательность, которую я уже слышал когда-то. В другом голосе. В другой жизни.

Я посмотрел на Кикимору. Та пожала плечами.

— У неё метка, — сказала она. — Та, что осталась после ритуала. Она не исчезла. Она просто ждала.

Ева смотрела на меня, и в её глазах была не только боль, но и требовательность.

— Вы должны мне помочь, — сказала она. — Вы обещали.

Я обещал. Когда-то давно, в другой жизни. Я не помнил, когда именно — память об Илье стёрлась, но чувство долга осталось.

— Помогу, — сказал я. — Но сначала ты расскажешь мне всё, что видела.

Она кивнула.

Мы вышли из пустого дома. Город просыпался, и где-то за горизонтом вставало солнце. Но я знал — день будет тёмным.

Глава 2. Кот Баюн

Новое дело пришло через три дня.

Я сидел в отделе, листал материалы по исчезнувшим сотрудникам стройки, когда зазвонил телефон. Дежурный с юга города, голос встревоженный.

— Алексей Игоревич, у нас тут... странное. Мужчина пропал в лесу. Пошёл за грибами, не вернулся. Нашли его сегодня утром. Живой, но...

— Что «но»?

— Он не просыпается. Врачи говорят, что он спит, но никак не могут его разбудить. И таких уже трое за два дня.

— Трое?

— Да. Все в том же лесу. Все нашли в разных местах, но у всех одно: спят, и всё. Причём лица... лица спокойные, даже улыбаются. Но пульс слабый, давление падает.

Я положил трубку, посмотрел на Кикимору, которая сидела на подоконнике и грызла сушку.

— Это твой Баюн?

Она скорчила рожу.

— Не мой. Древний страж. Он испытывает путников. Тех, кто не проходит, он забирает. Усыпляет и кормится их снами.

— А тех, кто проходит?

— Тех отпускает. Иногда даже помогает. — Она прыг-

нула с подоконника, подбежала к карте, висящей на стене, и ткнула когтистым пальцем в лес за нефтеперерабатывающим. — Он там. Чувствую.

— Зачем он усыпляет людей? Раньше такого не было.

— Раньше не было девушки, которая кормит птицу ненавистью, — Кикимора зевнула. — Баюн чувствует. Он хочет знать, кто придёт. А может, просто хочет, чтобы ты пришёл. Он старый. Ему скучно.

— То есть он специально усыпил трёх человек, чтобы я приехал?

— Ну, не специально. Он их проверял. Они не прошли. А ты, может, пройдёшь. — Она ухмыльнулась. — Или нет. Посмотрим.

Я вышел из отдела. Ева ждала в машине. Я хотел было сказать, чтобы она осталась, но она открыла дверь и села на заднее сиденье раньше, чем я успел открыть рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.